

во многом повторяет описанную Нанси логику касания: сравнивая две вещи, мы неизбежно соединяем то, что за секунду до этого существовало отдельно друг от друга, и в то же время указываем на тот предел, за которым заканчивается их сходство. Неосознанно подчиняясь этой логике, Дин сначала указал на невероятное сходство обеих эпидемий, заключающееся в том, что в обоих случаях распространение безвредного вируса сопровождалось столь же широкомасштабным заражением общества вирусами страха и неверия. Главный симптом эмоционального заражения Дин видит в альтеризации инфекции, то есть в истолковании ее как болезни меньшинств — гомосексуалистов и наркоманов в случае ВИЧ/СПИДа и китайцев или пожилого населения в случае «короны».

Тем не менее сходство обеих эпидемий не может быть полным, так как в отличие от ВИЧ вирус SARS-CoV-2 передается воздушно-капельным путем и тем самым предполагает совершенно иную форму близости. Новая близость создается не проникающим прикосновением, а дыханием, в процессе которого мы выпускаем в себя воздух, которой только что выдохнул другой человек. Несмотря на то что последние полтора года прошли под знаком борьбы за контроль, как правило, над нежелательной респираторной близостью, ее автономность от желания субъекта таит в себе мощный политический аспект. Не случайно, отмечает Дин, общим лозунгом двух самых масштабных событий уходящих лет, протестов общественного движения «Black Lives Matter» и эпидемии коронавирусной инфекции была фраза: «Я не могу дышать». Марши протеста, прокатившиеся по США и Европе во время первой волны эпидемии, объединили вокруг себя самых разных, и в том числе нечернокожих, людей, тем самым показав, что вопреки социальным, гендерным, сексуальным и расовым различиям, в обществе присутствует острая потребность ощутить себя как единый политический организм. Откликаясь на эту потребность, респираторная политика побуждает нас искать спасение от вируса страха и паранойи в близости с окружающими телами — неосознанной и такой же естественной, как дыхание.

Анна Яковец

Цифровые платья, медицинские маски и шапка с рогами:

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕМЫ КОНФЕРЕНЦИЙ 2020–2021 ГОДОВ
В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ МОДЫ

DOI: 10.53953/08696365_2022_173_1_415

Начиная с весны 2020 года значительная часть научных конференций, как и большинство других событий на различных уровнях общественной и частной жизни, происходила в онлайн-формате. Несмотря на наши усердные попытки приспособиться к «новой нормальности» и как ни в чем не бывало планировать мероприятия, выступать с докладами и вести секции, жизнь неумолимо вносила свои коррективы, досадные и комические, — от сбоев связи до появления на экране домашних

питомцев сверхкрупным планом. Во многих областях знания пандемия, карантин, дистанционное общение, новые и обострившиеся в новых условиях проблемы, изменившиеся повседневные практики, эмоциональные реакции на происходящее и другие аспекты глобальной чрезвычайной ситуации сразу стали предметом специальной рефлексии. Не остались в стороне и исследования моды, где переопределение границ приватного и публичного, связанных с этими сферами дресс-кодов и прочих элементов самопрезентации, ношение масок, цифровые дефиле и иные явления коронавирусной эпохи дали богатый материал для изучения. В этом обзоре мы рассмотрим, какие темы для изучающих моду и одежные практики вышли на первый план в условиях пандемии и как в целом выглядели «модные» научные онлайн-мероприятия 2020—2021 годов.

Поскольку подготовка конференций (как и модных коллекций) обычно занимает многие месяцы, ряд научных событий 2020 года планировался задолго до начала пандемии, и их изначально заявленная тематика не отражала тех реалий, в которых они в итоге проводились. Другие были задуманы непосредственно в ответ на переживаемые изменения в попытке осмыслить ситуацию, в которой на тот момент еще не было ничего рутинного. Рекорд оперативного реагирования принадлежит конференции «*“The New Normal”*: гардеробные и телесные практики эпохи карантина» (10 июня 2020 года, организаторы — журнал «Теория моды: Одежда. Тело. Культура» и издательство «Новое литературное обозрение»), подготовленной за считанные недели и объединившей более 40 исследователей из 16 стран мира¹. Наконец, многие мероприятия совместили «независимую» повестку с «коронавирусной», когда задуманная заранее концептуальная рамка по инициативе докладчиков спонтанно получила злободневное наполнение.

Онлайн-конференции часто сравнивают с «живыми» не в пользу первых: нам отчаянно не хватает общения «в кулуарах» за кофе; онлайн-событие может совершенно неожиданно закончиться для любого из участников по не зависящим от него техническим причинам (а когда не заканчивается, неизбежно, каким бы интересным ни было, вызывает пресловутую «усталость от зума»); слушатели порой не справляются со своими микрофонами и успевают, прежде чем модератор спасет положение, насытить чужой доклад подробностями собственной личной жизни; наконец, отдельные персонажи завели нехитрое хобби вторгаться на онлайн-мероприятия с единственной целью нарушить их ход. Однако очевидно, что встречи в дистанционном формате имеют и свои преимущества, не сводящиеся к утробной констатации, что лучше уж такие конференции, чем совсем никаких. Главное, пожалуй, это возможность не вставая с дивана в Москве поучаствовать в научной жизни Парижа или Нью-Йорка (и наоборот). До некоторой степени расширились не только географические, но и социальные границы мероприятий: отсутствие обычной в отечественном контексте волокиты с пропусками на вход в академические учреждения сделало конференции доступными для более широкого круга слушателей. И конечно, бесценны неподвластные регламенту оживленные дискуссии в чате. Чем заменить их при переходе «в реал»: обмениваться записками, использовать мессенджеры, конспектировать возникающие по ходу доклада соображения на доске или на скатерти стола?

1 Запись конференции доступна по ссылке: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL2yqN25nPtICbpCd2fEyRNTjyCUdixOQp>. Статьи по материалам докладов были опубликованы в сборнике: «Новая норма»: Гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии / Сост. Л. Алябьева. М.: Новое литературное обозрение, 2021. См. также обзор этой конференции: Демина М. Научные споры в эпоху пандемии // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2020. Вып. 58. С. 305—309.

Достоинства онлайн-формата в полной мере оценили основатели созданной в 2020 году Ассоциации исследователей одежды и тела (Dress and Body Association), ежегодные конференции которой планируется проводить исключительно с использованием видеосвязи независимо от эпидемиологической обстановки. Среди соображений, обусловивших это решение, желание снизить ущерб для экологии, наносимый международными перелетами, и стремление сделать мероприятие более доступным для участников из разных частей света. По крайней мере отчасти этот принцип удалось реализовать в 2020 году: хотя среди выступавших преобладали исследователи из Европы и США, отдельные докладчики представляли также Южную Америку, Северную Африку, Южную и Юго-Восточную Азию.

Ракурс этой первой конференции, озаглавленной «*Виртуальные одежды²: исследования тела в цифровую эпоху*», отражал «поворот к онлайн», в который мы все невольно оказались вовлечены в условиях карантина. Одной из сквозных тем в докладах и дискуссиях стало виртуальное воплощение, аватар, представляющий в онлайн-реальности компьютерного игрока, модника, примеряющего цифровой наряд, или пользователя социальных сетей, являющего себя миру в «улучшенном» виде. При этом, хотя в выступлениях речь шла о новых технологиях и связанном с их использованием специфическом опыте, многие отметили сходство этих современных феноменов с гораздо более ранними. Задолго до наступления компьютерной эры люди отождествляли себя с литературными героями, кинозвездами, персонажами комиксов, доказывая тем самым, что воображение не только древнейшая, но и мощнейшая из доступных человечеству технологий «виртуальной реальности», неизменно задействуемая в производстве идентичности.

В связи с проблематикой виртуального воплощения было бы интересно порассуждать об облике и «перформансе» исследователя на онлайн-мероприятиях. Наиболее остро стоявшая в начале карантина тема «пижамных деловых костюмов» активно обсуждалась на конференции «The New Normal»: предметом рассмотрения в докладах стало и преобладание неформального стиля в карантинном гардеробе, и весьма консервативные этикетные правила, мгновенно возникшие вокруг общения по видеосвязи, и практики ухода за одеждой как форма «заботы о себе». А Софи Вуд из Манчестерского метрополического университета не только рассказала о костюмных вечеринках в зуме и важности эксцентричных переодеваний, даже когда их никто не видит, но и наглядно продемонстрировала перформативные возможности эффектного образа, появившись на экране с вечерним макияжем и в винтажной шляпке от Скьяпарелли. Многие исследователи моды традиционно стремятся дистанцироваться от зрелищной самопрезентации и текущих модных трендов, представляющих чересчур эфемерными и поверхностными, выбирая, чтобы придать себе более серьезный академический вид, классический черный цвет. Возможно, дефицит публичности в условиях изоляции приведет кого-то из коллег к пересмотру этого сурового дресс-кода и вызовет желание больше наряжаться — и для зума, и для себя.

По сравнению с одеждой и макияжем для онлайн-выступлений, как представляется, недостаточно отрефлексированным осталось размывание границ между «очным» и «заочным» участием в конференциях дистанционного формата. Печально известная неустойчивость видеосвязи побуждает некоторых докладчиков

2 В английском названии, «Virtually (Un)Dressed», остроумно обыгрываются два значения слова *virtually*: 'в виртуальной реальности' и 'практически, фактически, по сути', — таким образом, оно может значить и «почти (не) одеты». Действительно, цифровые наряды, которые можно надеть только на фотографию, но не на тело, у многих вызывают ассоциации с «новым платьем короля».

заранее записывать видео своего выступления, которое затем проигрывает модератор секции — спикеру же остается лишь ответить на вопросы публики, если они возникнут. В этом случае уменьшается вероятность технических накладок, а кроме того, появляется возможность улучшить качество самого выступления, вырезав из записи заминки и оговорки, выдержав безупречную логику аргументации, справившись с волнением, почти неизбежным при «живом» докладе. Выгодный для докладчика и комфортный для слушателей (кто не терзался, когда из-за нестабильного соединения вместо увлекательного рассуждения из зума вдруг начинали доноситься бессмысленные завывания?), возможно, этот формат получит в дальнейшем более широкое распространение. Но если представить себе научное событие, полностью состоящее из заблаговременно записанных выступлений, впору приняться за труд под условным названием «Доклад на конференции в эпоху его технической воспроизводимости». Кроме того, в практике моды давно занимает прочные позиции эстетика изъяна³. Как показала в двух выступлениях 2021 года⁴ *Ольга Вайнштейн* (ИВГИ РГГУ, Москва), даже в виртуальной моде намечается усталость от цифрового совершенства, поэтому ценятся визуальные приемы, имитирующие незначительные дефекты ткани или отделки. Нельзя ли взглянуть под этим углом и на наши собственные онлайн-доклады? Ведь их недостатки — это самая живая их часть.

С недостатками или без, доклады большинства «модных» онлайн-конференций доступны на YouTube, и нельзя не пожалеть о тех, которые не были записаны и выложены в сеть (хотя этим, безусловно, подчеркивается уникальность данных событий, их принципиальная невозможность воспроизводства). Увековечение происходящего в форме цифрового архива лишь один из аспектов современной темпоральности, определяющий ее специфику. Наши отношения со временем в условиях карантина и в более широком историко-культурном контексте в той или иной мере становились предметом обсуждения в рамках всех рассматриваемых здесь событий и даже определили тему одного из них — конференции «*Мода и время: история — современность — проекции будущего*», прошедшей 19 мая 2021 года в Институте высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ⁵. В ее ходе рассматривалось время производства и потребления модных вещей, эстетическое и политическое использование прошлого в моде, материальность времени и его медиарепрезентаций и даже конструирование времени в позднесоветском теоретическом дискурсе о моде.

В докладах этого и других мероприятий время рассматривалось и как отвлеченная категория, к которой апеллирует, скажем, стилистика объекта или его репрезентация, и как неустранимое измерение нашего опыта. В этом втором контексте нельзя не упомянуть длительность самих конференций и связанное с ними ощущение времени. Организаторы многих событий предпочли придерживаться традиционного расписания, проводя в день несколько заседаний по три-пять докладов в каждом; уплотнить график, как всегда, позволяли параллельные секции.

3 См. тематический блок об этом в 50-м выпуске журнала «Теория моды: Одежда. Тело. Культура».

4 В докладе «*«Неосезаемая мода»: от виртуальных примерок к цифровой одежде*» на конференции «Теории и практики искусства и дизайна: социокультурные, экономические и политические контексты» (22 апреля 2021 года, Школа дизайна НИУ ВШЭ) и «*Мода будущего: виртуальные показы и цифровая одежда*» на конференции «Мода и время: история — современность — проекции будущего» (19 мая 2021 года, ИВГИ им. Е.М. Мелетинского РГГУ).

5 Запись конференции доступна по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=ZmRkbB779CU&t=13s>

Очередной рекорд принадлежит конференции «The New Normal», прошедшей в форме непрерывного двенадцатичасового марафона, к которому участники и слушатели подключались по мере наступления дня в их часовых поясах. Невозможность свести в одном, пусть даже виртуальном, пространстве Австралию и Северную Америку показывает, что в мире онлайн-мероприятий расстояния не совсем отменились, — просто теперь они измеряются разницей во времени.

По противоположному пути пошли организаторы симпозиума «*Интерпретации моды: одежда, медиа и значения*» в лондонском Институте искусств Курто, проведя на неделе с 30 ноября по 4 декабря 2020 года пять компактных встреч продолжительностью всего час каждая⁶. Все части симпозиума получились невероятно насыщенными, вместив в себя по несколько выступлений спикеров и ответы на вопросы слушателей, и в целом такой формат кажется для онлайн-мероприятий наиболее удачным, так как позволяет удерживать внимание и интерес публики на протяжении всего события. Комфорт участников и слушателей также сделали своим приоритетом устроители конференции «*Мода на периферии*» Чикагского лица моды, проходившей с 22 сентября по 11 октября 2020 года. Хотя здесь многие сессии длились больше часа, а в отдельные дни проводились целых три заседания, выступления участников отделяла от дискуссии неизменная десятиминутная пауза, когда работали специально приглашенные диджеи, а модераторы предлагали всем встать, размяться и потанцевать. Тем самым внимание к телу, в рамках других конференций заявленное на теоретическом уровне⁷, в данном случае было реализовано на практике.

В целом понятие «практика» можно назвать одним из ключевых для исследований моды последних лет. «Деятельностный поворот» (англ. making turn) в данной области был провозглашен одноименным тематическим выпуском журнала «Fashion Theory» в 2019 году, а Хилари Дэвидсон в программной статье для этого номера предложила термин «поворот к телесному опыту» (англ. embodied turn)⁸. Из академических мероприятий коронавирусной эпохи наиболее непосредственный отклик на эту тенденцию представляла собой конференция «*Создавать важно: пандемия, практика, педагогика и творчество*», прошедшая 11 марта 2021 года под эгидой журналов «Теория моды» и «Clothing Cultures»⁹. Идея этого события была подсказана ограничениями, с которыми столкнулись практикующие

-
- 6 Описание и видео событий доступны по ссылкам: <https://courtauld.ac.uk/whats-on/online-fashion-interpretations-symposium-part-i/> (Рекбекка Арнольд, Элиза де Вингарт, Чарльз Теперман); <https://courtauld.ac.uk/whats-on/online-fashion-interpretations-symposium-part-ii/> (Лиза Коэн, Ольга Вайнштейн, Элизабет Кутеско); <https://courtauld.ac.uk/whats-on/online-fashion-interpretations-symposium-part-iii/> (Лиан Шаптон, Джуидит Кларк); <https://courtauld.ac.uk/whats-on/online-fashion-interpretations-symposium-part-iv/> (Ричард Хейнс), <https://courtauld.ac.uk/whats-on/online-fashion-interpretations-symposium-part-v/> (Джейн Ховард, Дал Чодха).
- 7 Так, на конференции «The New Normal» Ирина Сироткина (Институт истории науки и техники РАН, Москва) говорила о новой значимости, которую приобрели в условиях карантина телесно-двигательные практики, потеснив духовные поиски в качестве способа достижения внутренней гармонии и познания себя, а Линда Квиткина (независимый исследователь, Санкт-Петербург) — о «двигательном зуде», который испытали запертые в четырех стенах танцоры (и не только они). Однако сам формат конференции скорее предполагал трансцендирование тела, чем внимание к нему.
- 8 Davidson H. The Embodied Turn: Making and Remaking Dress as an Academic Practice // Fashion Theory: The Journal of Dress, Body and Culture. 2019. Vol. 23. Iss. 3. P. 329—362.
- 9 Запись конференции доступна по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=QLpyMM9hJbs>

дизайнеры, студенты и преподаватели прикладных дисциплин в условиях карантина, а также широко проявившейся и за пределами этого профессионального общества потребностью в повседневной созидательной, творческой деятельности, дающей точку опоры в ситуации тревожной неопределенности.

В рамках рассматриваемых здесь конференций «деятельностный поворот» проявился на нескольких уровнях. Во-первых, в темах докладов, освещавших разнообразные практики «делания», от бытовых до высокотехнологичных, от материальных до концептуальных и коммуникативных. Во-вторых, в статусе спикеров, среди которых были не только исследователи-теоретики, но и дизайнеры, перформеры, кураторы, реставраторы, делившиеся подробностями своей профессиональной кухни. Наконец, ряд выступлений, особенно на симпозиуме «Интерпретации моды», имели экспериментальный формат, выходящий за рамки традиционного академического доклада. *Элиза де Вингарт* (Музей моды, Антверпен) продемонстрировала коллаж, который она составляет на первом этапе планирования выставки, и рассказала о том, как трансформируется концепция в дальнейшем под влиянием материальных и институциональных ограничений. Модный обозреватель и консультант *Дал Чодха* (Колледж искусств и дизайна Сент-Мартинс) и стилист-фрилансер *Джейн Ховард* представили проект нового продолжающегося издания «Archivist Addendum», призванного исследовать и осваивать пространство между академическим дискурсом и фешен-журналистикой, бросая вызов привычным представлениям о журнальном формате и игнорируя сезонные ритмы модной индустрии. Первый выпуск «Archivist Addendum», увидевший свет весной 2021 года, вместил материалы симпозиума «Интерпретации моды», развивая заложенную в концепции этого события рефлексию материальности модных медиа и представив своим читателям индивидуальный подход к презентации текста и иллюстраций каждого выступления — не сброшюрованных, а отпечатанных на карточках и постерах разного размера и фактуры и уложенных в роскошную «архивную» коробку.

Джудит Кларк (Лондонский колледж моды) представила документальную короткометражку про выставочное пространство и арт-резиденцию Ателье Амден в швейцарских Альпах. В этом месте уже в начале XX века кипела художественная жизнь: модернисты, искавшие обновления искусства через единение с природой, образовали здесь коммуны, заняв пустовавшие крестьянские дома. Столетие спустя в память об этом было решено превратить одну из сохранившихся с тех времен построек — старый деревянный коровник — в средоточие новых, сайт-специфичных творческих поисков. Изначально Кларк и ее базельский коллега *Роман Курцмайер* (Университет прикладных наук Северо-Западной Швейцарии) предполагали, что итогом их работы в проекте «Интерпретации моды» также станет выставка, однако пандемия нарушила эти планы, и кураторы решили «перевести» свой вклад на язык кинематографа. Фильм, показанный в рамках итогового симпозиума, на примере Ателье Амден демонстрировал потенциальную самодостаточность выставочного пространства, которое даже в отсутствие экспонатов, само по себе, может восприниматься как полноценная инсталляция. Опираясь на свое исследование роли атрибутов в педагогике мадам де Жанлис и используя варбургинский метод формальных аналогий как ключ к аффективному измерению образов, Кларк предложила элементы стилизации помещения, подчеркивающие его материальность и в то же время укореняющие его в истории искусства: так, вбитые в бревенчатые стены длинные гвозди были изогнуты наподобие завитков волос на ренессансных гравюрах.

Незабываемым событием стал мастер-класс по модной иллюстрации в технике скетча от американского художника *Ричарда Хейнса*. В ходе сессий, длившихся от минуты до пяти минут, он рассказывал, как смотрит на костюм и позу, какие ак-

центры выделяет — что помогло научиться не только и не столько рисовать, сколько видеть мир по-новому, глазами художника. Нельзя не отметить также талант натурщика, его продуманный гардероб и трогательную автобиографическую историю, которую он передал через серию последовательно сменяющихся образов: от детства в мормонской общине к раскрытию и принятию своей квир-идентичности.

Автобиографический или автоэтнографический аспект имели также многие доклады. Танцовщица бурлеска *Джо Велдон* на конференциях «Мода на периферии» и «Виртуальные одежды» рассказала о формальных предписаниях и социальных стереотипах, связанных с костюмом работников секс-индустрии. *Амели Фарци* (Школа дизайна Парсонса, США) на конференции «The New Normal», отталкиваясь от собственного карантинного опыта изоляции в чужой стране с чемоданом, собранным на выходные, исследовала пересечение хорошо знакомого и непредсказуемого, которое представляет собой любая упакованная в дорогу сумка. *Шан Боннелл* (Манчестерский метрополитенский университет) на симпозиуме «Лицом к лицу: провокативность и потенциал масок и вуалей»¹⁰, проводившемся 13–14 января 2021 года на базе Института моды Манчестерского метрополитенского университета, рассказала об использовании масок в своей художественной практике и о том, что (средний) возраст сам по себе является «защитной маской», делающей женщину невидимой, — и поэтому служит идеальным прикрытием для арт-провокаций.

Даже в сфере изучения моды, адептов которой легко заподозрить в некотором нарциссизме, подобное сосредоточение внимания на фигуре самого говорящего выглядит довольно непривычно. В этом смысле можно рассматривать эго-исследования как периферию социогуманитарного знания, которая начала осваиваться относительно недавно и до сих пор в глазах многих представителей академического сообщества не лишена оттенка маргинальности. Однако, как показала конференция «Мода на периферии», именно такого рода интеллектуальное пограничье становится источником наиболее стимулирующих идей и плодотворных исследовательских подходов.

Относительность понятий «центр» и «периферия» иллюстрируется двусмысленным положением самой моды в качестве объекта академических штудий: как и другие области популярной культуры, мода скомпрометирована царящей в ней коммерческой логикой; в силу своего чувственно-телесного характера модные практики зачастую воспринимаются как тривиальные и поверхностные — все это мешает видеть в моде серьезную материю, заслуживающую концептуальной проблематизации. С другой стороны, мода создает собственную периферию, куда входит, к примеру, мужская одежда в целом и конкретно такой «женственный» предмет мужского гардероба, как халат, которому был посвящен доклад искусствоведа и дизайнера *Сэмюэля Снодграсса*. Сходным образом система моды строится на исключении неевропейских одежных практик, мыслимых как застывший во времени «традиционный костюм», который может служить источником вдохновения (читай: культурной апроприации) для западных модельеров, но не может быть моден сам по себе¹¹. Обратной стороной подобного прочерчивания границ моды является отсутствие «модных» вещей в коллекциях этнографических музеев, ориентированных на репрезентацию «сущности» определенной культуры, а не скоротечных, наносных изменений. Однако, как показали в своем докладе на музейной секции

10 Программа конференции и записи докладов доступны по ссылке: <https://fashioninstitute.mmu.ac.uk/faceoff/archive/>

11 См. об этом: *Niessen S. Fashion, its Sacrifice Zone, and Sustainability // Fashion Theory: The Journal of Dress, Body and Culture. 2020. Vol. 24. Iss. 6. P. 859–877.*

конференции *Сьюзан Нил* и *Алака Вали* из чикагского Музея Филда, даже «классические» этнографические экспонаты нередко несут следы взаимодействия с европейской модерностью: в случае костюма это может быть, к примеру, тесьма фабричного производства, используемая для отделки индейского плаща¹².

Пространственные периферии рассматривались на конференции не только в глобальном контексте имперских географий, но и в совершенно ином масштабе, локальном и даже интимном. *Майкл-Линн Шумейт* (Школа высших исследований институций, рынков и технологий в Лукке, Италия) рассказала о чулане как о полноправном, но недооцененном пространстве моды, а *Сиана Мэдсен* (Лондонский университет искусств) — о карманах одежды как об импровизированном архиве, аккумулирующем свидетельства, которые могут выстроиться в автобиографический нарратив. Более институционализированным архивам — музейным фондам и хранилищам, содержащим коллекции одежды, — был посвящен доклад *Эллен Сэмпсон* (Нортумбрийский университет, Великобритания). Согласно мнению докладчицы, эти пространства и связанные с ними практики, по сравнению с уже достаточно хорошо изученными стратегиями представления одежды и моды в музейных экспозициях, пока незаслуженно обойдены исследовательским вниманием. Сэмпсон предложила рассматривать одежду в архиве через призму феноменологии и теорий аффекта, как одновременно носитель памяти, концентрирующий в себе определенные переживания, и объект, запускающий аффективные реакции в наблюдателе, не в последнюю очередь благодаря своему превращению из обжитой телесной оболочки в единицу архивного хранения.

В поле внимания других докладчиков попали «периферические» социальные группы и их истории: от городских субкультур и попыток задокументировать их отношения с одеждой и обувью, чему была посвящена первая секция конференции, до пациентов американских психиатрических лечебниц и представлений о нормальности, заложенных в предписывавшихся им костюмах. В целом спикеры конференции «Мода на периферии» убедительно продемонстрировали огромную роль одежды в производстве категорий маргинальности, в их визуализации и закреплении в общественном сознании — но также в их творческом переосмыслении и в сопротивлении внешним определениям. Так, *Мэдисон Мур* (Университет Содружества Виргинии, США) в пленарном докладе обратился к использованию экстравагантных костюмов как к тактике уязвимых групп, в частности гомосексуальных и трансгендерных представителей этнических меньшинств, позволяющей превратить закрепленную за ними социокультурную периферию в фантастическое пространство альтернативной реальности.

Костюм людей, облеченных реальной властью, и роль одежды в современной политике — еще одна исследовательская и модная «периферия», которая, хоть и не была охвачена конференцией Чикагского лица моды, получила освещение в отдельных выступлениях в рамках других мероприятий. Так, в пленарном докладе на конференции «Виртуальные одежды» *Джоан Терни* (Саутгемптонский университет, Великобритания) рассмотрела специфическую конструкцию мужественности, воплощенную в облике политиков правопопулистского толка. Привлекательность этой версии маскулинности во многом связана с намеренным дис-

12 Билл Эшкрофт отмечает неустранимую гибридность «традиционных» культурных практик в наши дни, настаивая на том, что «гибридизацию форм, приспособление материалов и транскультурную эстетику следует скорее рассматривать как необходимые условия выживания традиционной идентичности в современном мире, а не как ее размывание или контаминацию» (*Эшкрофт Б.* Наброски к теории постколониальной эстетики // Новое литературное обозрение. 2020. № 166. С. 17).

танцеванием от требований респектабельного внешнего вида. От кепки «отца Брексита» Найджела Фаража, воплощающей внеклассовую «английскость», отсылая одновременно к традиционному охотничьему костюму поместного дворянства и к визуальному стереотипу рабочего, до по-мальчишески взъерошенной шевелюры Дональда Трампа и Бориса Джонсона, подчеркнуто антимодные, «неприглаженные» образы в перенасыщенной «гламуром» медиасфере призваны казаться оплотом подлинности, правды без дискредитирующей приставки «пост-».

Анализируя абсурдный наряд, в котором был сфотографирован Борис Джонсон во время утренней пробежки, докладчица отметила, что кажущаяся нелепость этого ансамбля тщательно продумана — как на уровне общего впечатления спонтанности, так и на уровне отдельных элементов. К примеру, «гавайские» шорты Джонсона, по-видимому, отсылают не столько к беззаботному пляжному отдыху, сколько к эстетике ультраправых сил, таких как американские «Бугалу бойз», которые присвоили себе эту расцветку в качестве опознавательного знака. В дискуссии по поводу доклада Терни дизайнер *Наталья Сярмякяри* (Университет Аалто, Финляндия) рассказала о скандале, разгоревшемся в Финляндии, когда премьер-министр Санна Марин в фотосессии для женского журнала «Тренди» появилась на одном из снимков в открытом блейзере без блузки. Контрастные образы британского и финского премьеров и реакция общественности на них наглядно демонстрируют гендерное измерение власти, а также устойчивую, несмотря на все усилия современных дизайнеров, «феминность» моды.

Выступление *Терезы Уинги* (Университет штата Мичиган, США) на той же конференции было посвящено мобилизующему, объединяющему и перформативному потенциалу одежды для протеста. В центре внимания докладчицы оказались демонстрации женщин, отстаивающих свои репродуктивные права, используя костюмы, вдохновленные образами Служанок из телесериала по антиутопическому роману Маргарет Этвуд «Рассказ служанки»: ярко-красные плащи и белые чепцы с широкими, закрывающими лицо полями. Уинги сосредоточила свое внимание на запускаемых такими костюмированными протестами смысловых переключениях между реальностью и фантастическим миром антиутопии. Меж тем реальность неожиданным образом вторглась в ее же пленарный доклад на конференции «Лицом к лицу: провокативность и потенциал масок и вуалей». Насколько можно судить по аннотации выступления, Уинги планировала развивать тему размывания границ между реальным и виртуальным в условиях перехода большинства коммуникаций в онлайн-пространство: заявленной в заглавии как конференции, так и доклада «маской» в данном случае можно назвать не только используемые в зуме видеофильтры и виртуальные фоны, но и ту часть «реальности», которой мы позволяем попасть в кадр, и те усилия, которые мы направляем на ее контроль и приведение в соответствие с желаемым впечатлением. Однако штурм Капитолия сторонниками Дональда Трампа 6 января побудил исследовательницу по-другому расставить приоритеты, сфокусировавшись на анализе текущих событий, — тем более что протестующие не чурались масок, раскраски лица и причудливых головных уборов, идеально соответствовавших тематике конференции.

Среди захвативших Капитолий особое внимание СМИ и общественности привлек Джейк Анджели (также известный как Q-Шаман) — благодаря экстравагантному внешнему виду и позированию в кресле вице-президента США Майка Пенса в зале заседаний Сената. На разошедшихся по всему миру снимках Анджели, безусловно, придает фотогеничности боевая раскраска лица в цветах американского флага (предположительно конфедератского), в то же время напоминающая грим Мела Гибсона в роли средневекового «патриота» Шотландии Уильяма Уоллеса из фильма «Храброе сердце» (1995). Еще более примечательная деталь облика

Анджели — меховая шапка с рогами — по-видимому, должна была отсылать к образу древнескандинавского воина, не перестающему будоражить воображение сторонников идеи превосходства белых по обе стороны Атлантики. О желании ассоциироваться с культурой викингов свидетельствуют также татуировки Анджели: молот Тора и «узел павших» (валькнут). Однако, как показала Уинги, даже если предположить, что древние скандинавы действительно щеголяли в рогатых шапках¹³, в североамериканском контексте гораздо более очевидным источником вдохновения для Анджели являются головные уборы из шкуры с черепа бизона, традиционные для многих племен индейцев Великих равнин. Тот факт, что этот элемент костюма Q-Шамана может прочитываться как «викингский», даже несмотря на украшающие его перья и хвосты койотов, наглядно свидетельствует о степени отчужденности культурного наследия коренных народов Америки и невидимости последних в тени «белой» мифологии, доминирующей в глобальной массовой культуре.

Сходные механизмы «расового плагиата»¹⁴, способствующие полному вытеснению этнокультурных Других из колонизированных «белым» воображением областей, проанализировал *Штефан Рабич* (Грацский университет, Австрия) в докладе на конференции «Виртуальные одежды», посвященном образу ковбоя. Ковбойская культура пришла в США из Мексики во второй половине XIX века, соответственно многие ковбои этого раннего периода и позднейшего времени тоже имели мексиканское происхождение. Кроме того, в их рядах было немало чернокожих и представителей коренных народов Америки; также известно немало женщин-ковбоев (англ. cowgirls). Это этническое и гендерное многообразие практически не получило отражения в жанре вестерна, конструировавшего фигуру ковбоя как квинтэссенцию американской (белой) мужественности. В последние годы чернокожие ковбои стали появляться на демонстрациях движения «Black Lives Matter», а также на эстраде, привлекая внимание к забытым страницам американской истории и визуализируя присутствие традиционно «невидимых» групп. Не обошлось без курьезов: так, рэпер Lil Nas X, в одночасье прославившийся благодаря хиту «Old Town Road», вдохновленному музыкой кантри и образом ковбоя, навлек на себя обвинения в «апроприации» значимых символов «белой» культуры — вековые привилегии не отдаются без боя (или, по крайней мере, без перепалки в соцсетях).

Возвращаясь к захвату Капитолия, невозможно обойти вниманием еще одну тему, рассматривавшуюся на «модных» конференциях с самого начала пандемии: право (не) носить медицинские маски. Рекомендации по ношению масок, исходящие от Всемирной организации здравоохранения и национальных профильных ведомств, во втором квартале 2020 года отличались противоречивостью. С одной стороны, в этот момент маскам, наряду с соблюдением социальной дистанции и самоизоляции, отводилась ключевая роль в профилактике распространения коронавируса. С другой стороны, в связи с возникшим дефицитом медицинских ма-

13 Роберта Франк установила, что визуальный стереотип викинга в рогатом шлеме получил распространение благодаря костюмам, созданным Карлом Эмилем Деплером для байрейтской постановки «Кольца Нибелунга» в 1876 году (*Frank R. The Invention of the Viking Horned Helmet // International Scandinavian and Medieval Studies in Memory of Gerd Wolfgang Weber / Ed. by M. Dallapiazza. Urbino: Parnaso, 2000. P. 199—208*). Возможно, Деплер, в свою очередь, вдохновлялся индейскими прототипами — по крайней мере, именно такая ассоциация при виде придуманных им головных уборов возникла у Козимы Вагнер.

14 Термин принадлежит Минь-Ха Т. Фам (*Pham Minh-ha T. Racial Plagiarism and Fashion // QED: A Journal in LGBTQ Worldmaking. 2017. Vol. 4. No. 3. P. 67—80*).

сок во многих странах, в частности в США, Центры по контролю и профилактике заболеваний рекомендовали американским гражданам по возможности изготавливать маски самим из подручных средств. Однако, как показала в докладах на конференциях «The New Normal» и «Лицом к лицу» *Элисон Мэтьюс Дейвид* (Университет Райерсона, Канада), самодельные маски имеют долгую криминальную историю, будучи тесно связаны с образом грабителя.

Этот образ имеет весьма четкие «демографические» параметры, не только гендерные и классовые, но также расовые: в североамериканском контексте, а за последние десятилетия и в Европе сложился негативный стереотип, ассоциирующий темный цвет кожи с девиантным поведением и угрозой общественной безопасности. В результате в ситуации пандемии закрывающие лицо афроамериканцы, даже если на них были настоящие медицинские маски, зачастую воспринимались совершенно иначе, чем их белые соотечественники. Дейвид процитировала твит молодого человека по имени Аарон Томас, получивший «вирусное» распространение в начале апреля 2020 года, где тот, намекая на проблему полицейского насилия, резюмировал дилемму, с которой столкнулись чернокожие мужчины в США: «I want to stay alive but I also want to stay alive» («Я хочу остаться в живых [а не умереть, заразившись коронавирусом], но я также хочу остаться в живых [а не быть застреленным как подозрительный тип в самодельной маске]»).

Таким образом, возможность свободно следовать рекомендациям ВОЗ стала одним из множества индикаторов расового неравенства, проявившихся за время пандемии. Примечательно при этом, что привилегированная позиция нередко маркировалась не использованием этой возможности, а, напротив, намеренным и демонстративным отказом от ношения маски. От глав государств до членов праворадикальных группировок, для многих белых мужчин по всему миру медицинская маска оказалась несовместимой с представлениями о мужественности, основанными на таких ценностях, как сила и независимость. Одни отказывались признавать существование коронавируса в принципе, другие, видимо, бравировали опасностью заражения. Как минимум один из участников захвата Капитолия, стример Тим Джонет, был диагностирован как носитель COVID-19 за пару дней до штурма. Вместо медицинских масок, которые указывали бы на их «слабость» и «трусость», некоторые из сторонников Трампа надели карнавальные или протестные головные уборы, балаклавы, «ковбойские» платки, призванные скрыть лицо. Пародией на рекомендации ВОЗ звучал призыв «захватить маску», активно распространявшийся в альтернативных соцсетях при подготовке акции 6 января и отсылавший к противогазам (англ. gas masks), — предполагалось, что полиция может использовать газ для разгона демонстрации (чего примечательным образом не произошло).

В контексте негативных коннотаций медицинской маски как приметы «слабака» и законопослушного простофили крайне важным представляется доклад *Дэвида Тайлера* (Манчестерский метрополитенский университет, Великобритания) на конференции «Лицом к лицу». Выступление, посвященное технологическим аспектам эффективности масок, респираторов и других защитных средств (плохая новость для поклонников пластиковых экранов: безопаснее без них), содержало не только ценную практическую информацию, но и концептуальный вывод. Отметив существенно более высокую действенность маски в случае ношения ее инфицированным лицом во избежание распространения инфекции, чем здоровым человеком с целью обезопасить себя, профессор Тайлер указал на неточность общепринятого термина «средства личной защиты» (англ. personal protection equipment) и предложил переименовать маски и респираторы в «средства коллективной защиты» (англ. community protection equipment). Хотя феминизированная логика

заботы о других едва ли может быть привлекательна для «настоящих» мужчин, все же подобный перенос акцентов позволяет демистифицировать образ «крутого парня», не носящего маску в знак протеста против ограничения его личных свобод, и увидеть в нем просто-напросто безответственного эгоиста.

С другой стороны, посвященные медицинским маскам доклады нередко выявляли проблематичность самих официальных предписаний. Так, *Ингун Гримстад Клепп* (Метрополитенский университет Осло, Норвегия) в выступлении на круглом столе «Гардероб эпохи карантина: время, пространство и тело карантинной эпохи»¹⁵, прошедшем 25 ноября 2020 года в Институте высших гуманитарных исследований РГГУ при поддержке журнала «Теория моды: Одежда. Тело. Культура», отметила, что рекомендация стирать маски при температуре 60°C может служить наглядной иллюстрацией переноса больничных норм на повседневные практики. Систематическая дезинфекция, осуществляемая в медицинских учреждениях в «промышленных» масштабах, оказывается невозможной в обыденной жизни, однако попытки взять пандемию под контроль, по-видимому, неизбежно ведут к тому, что общество мыслится организованным по модели госпиталя.

В завершение обзора хотелось бы сказать несколько слов о второй конференции Ассоциации исследователей одежды и тела, состоявшейся 29—30 октября 2021 года, — не только потому, что это самое недавнее из рассмотренных здесь мероприятий, но и в силу его методологической значимости, позволяющей обобщить многое из вышесказанного и разобраться наконец, какое отношение к моде имеют медицинские маски (если это не маски от Chanel). Описание миссии Ассоциации начинается с предложенного антропологом Джоан Айкер определения «одежды» (англ. dress), согласно которому этот термин должен включать в себя все способы культурного означивания, дополнения и модификации тела, а не только собственно платье. Конференция 2021 года, озаглавленная «Очерчивая контуры исследований одежды», была посвящена уточнению границ этой междисциплинарной области. Однако речь шла не столько об отсечении и исключении того, что туда не входит, сколько, напротив, о продуктивном заимствовании сюжетов и инструментария из разнообразных сфер социогуманитарного знания, а также об актуализации малоизученных тем. В этом смысле для данного мероприятия, как и для описанной выше конференции Чикагского лицея моды, крайне важным оказалось понятие «периферии», конструируемой отношениями власти на различных уровнях.

Материальная сохранность одежды прошлых эпох как таковая недвусмысленно свидетельствует о том, что именно наделяется ценностью — и в конкретный исторический момент, и ретроспективно. Хорошо известна связанная с этим музейная и историографическая лакуна, относящаяся к одежде простых людей: до недавнего времени история моды строилась почти исключительно на образцах нарядов, принадлежавших представителям высших сословий и/или созданных именитыми модельерами. Как отметила *Лорен Даунинг Петерс* (Чикагский Колумбия-колледж, США) в пленарном докладе, открывавшем конференцию, у исследователей моды отсутствует инструментарий, с помощью которого можно было бы анализировать повседневность, — в том числе из-за недоступности самого объекта изучения в виде сколько бы то ни было содержательного архива. На материале одежды для полных женщин, изучению которой она посвятила около десяти лет, Даунинг Петерс предложила метод «спекулятивной истории», основанный на собирании и интерпретации разрозненных следов «несуществующего» прошлого —

15 Запись круглого стола доступна по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=HG4TIN-m2Dc>

которое тем самым, возможно, со временем удастся извлечь из небытия. Такая исследовательская стратегия направлена на изменение не только прошлого, но и настоящего, в котором полные люди до сих пор остаются на периферии моды, а активисты и ученые, работающие в области fat studies, нередко обвиняются в «гламуризации» ожирения.

В случае одежды для полных само по себе отнесение объекта исследования к сфере моды является принципиальной позицией, едва ли не политическим заявлением: речь идет о возвращении значимости огромному количеству людей, которым традиционно в этой значимости было отказано¹⁶. Но не является ли разница между «одеждой» и «модой» и во многих других случаях использования этих слов идеологической по своей природе? Не педалируя сверх меры политических аспектов данного вопроса, *Шарлотта Брахтендорф* (Университет Баухауса, Германия) предложила целостный материально-дискурсивный подход к исследованию вестиментарных практик, проведя аналогию с корпускулярно-волновым дуализмом в квантовой механике: подобно тому, как элементарные частицы могут при определенных условиях рассматриваться как волны, а при других — как единицы материи, лишь от установок и инструментария наблюдателя будет зависеть, является ли нечто «одеждой» или «модой». Мода считается символической системой, фактически сводящейся к репрезентации, тогда как в одежде (традиционном объекте изучения антропологов) на первый план выходит материальность — собственные свойства ткани, технологии ее производства и обработки. Подобное противопоставление, по мысли Брахтендорф, не учитывает неустранимой материальности символов и символичности материи¹⁷, неразрывной связи этих двух сторон бытия, которые существуют отдельно друг от друга лишь в наших теоретических построениях.

В свете вышеизложенного, кажется, не будет большим преувеличением сказать, что теория моды/одежды совершила «квантовый скачок» и находится на пороге новых открытий.

Ксения Гусарова

16 Конечно, существуют исключения (подтверждающие общее правило): так, Даунинг Петерс привела пример траурных платьев королевы Виктории, которые являются едва ли не уникальными образцами одежды больших размеров, хранящимися в крупнейших музейных коллекциях (Метрополитен-музей, Музей Лондона).

17 Прекрасным подтверждением этого может служить своего рода «материальная эпистемология», предложенная *Штефаном Рабичем* в выступлении на той же конференции, где он рассмотрел технологии производства и обработки фетра для ковбойских шляп как весьма убедительную и многогранную метафору конструирования американской идентичности.